

плюралистичного социального идеала. В то время пока в Европе говорят о кризисе секуляризма (мультикультурализма) и о десекуляризации (возврату к культурному монизму), российский рынок не перенасыщен данными социокультурными продуктами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бендин А. Ю. Религиозные права личности в Российской империи (вторая половина XIX - начало XX вв.) // Свеча - 2005. Истоки: религия и личность в прошлом и настоящем. Том 13. Москва-Владимир, 2005.
2. Американские просветители. Избр. произв. в 2-х т. М., 1969.

УДК 94 (47) «18/19»

ББК 63.3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ О КИТАЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ)

Титаренко Анастасия Сергеевна,

старший преподаватель

кафедры общественно-научных дисциплин

ГАОУ ДПО СО «Институт развития образования»

stsovet08@mail.ru

RUSSIAN REPRESENTATION OF THE CHINESE NATIONAL CHARACTER (SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CEN)

Titarenko A.S.,

Senior lecture,

Institute of development of education, Ekaterinburg: ”

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности становления и развития представлений русского общества XIX – начала XX вв. о Китае и его жителях. Целью исследования стал анализ специфики представлений русских

о китайском национальном характере. Исследование выполнено в рамках научного направления – имагологии.

ABSTRACT

The article describes the formation and development specifics of the views about China and its inhabitants in Russian society of the 19th – early 20th century. The aim of the study was to analyze the specifics of Russian representations of the Chinese national character. The research is performed within the framework of the imagology research prospect

Ключевые слова: образ Другого, образ Китая, этнические стереотипы китайский национальный характер.

Key words: image of “Another”, image of China, ethnic stereotypes, Chinese national character

В современном российском обществе возросла важность «китайского фактора» во внешней политике России, в повседневной жизни российского общества. При этом высоко востребованными стали не только научные знания о Китае, но и данные о специфике их формирования, особенностях восприятия восточного соседа в России. Последние во многом определяли интерпретационные стратегии российских исследователей. Понять механизм влияния эмоционально-ценностного компонента на выработку научных концепций помогает имагология, объектом изучения которой являются представления о другом народе/стране, складывающиеся в индивидуальном, групповом или массовом сознании в конкретной социокультурной и исторической ситуации. Они воплощаются прежде всего в образе Другого – сложной синтетической категории, являющейся динамической системой представлений и мнений, обладающей стереотипными и дифференцированными чертами, рациональными и эмоциональными компонентами [8, 10-11]. Формирование образа Китая в российском сознании представляло собой формирование «образа Другого», составной части процесса самоидентификации российской цивилизации.

XIX век в России стал временем глубокой трансформации русской национальной культуры, национального самосознания. В процессах самоидентификации российской нации роль различных Других значительно увеличилась. В число значимых Других попадает и Китай: с середины XIX в. проявляется повышенный интерес к Китаю, а уже в конце XIX – начале XX вв. последний фигурирует в центре внутривнутриполитических, общественных и научных дискуссий. Расширение контактов во второй половине XIX – начале XX вв. между двумя странами, появление большого количества китайцев сначала на Дальнем Востоке и в Сибири, а затем и по всей России, рост числа русских, работавших и проживавших в Китае, – все это способствовало тому, что формирование образа Китая вышло за рамки элитарной общественной мысли, становясь достоянием массового сознания.

Китайцы как этническая группа, китайская культура были чужды для русских и в отношении этнолингвистической принадлежности, и конфессиональной. Китай – это другой мир для русских. Ограниченные знания о восточном соседе в российском массовом сознании существовали в рамках стереотипов – форме, позволяющей закрепить яркие характеристики объекта вкупе с отношением к нему. Стереотипы о китайском народе, чертах его национального характера получили в исследовательской литературе название «этнические стереотипы». Довольно часто корреспонденты научных обществ подчеркивали, что русским крестьянам очень нравились рассказы о чужих странах и других народах. При этом они сравнивали свою жизнь с жизнью этих народов, уясняя для себя, «чем их вера отличается от нашей, православной», а также разницу в быте и обычаях [9, 506]. В среде образованной части российского общества этнические стереотипы тоже получили развитие, но они могли дополняться знаниями, полученными из литературы и посредством личного опыта. Первоначальные представления о китайском народе, китайской культуре и китайской цивилизации в среде российской интеллигенции складываются на основе европейской литературы о Китае. В 1850-1880-е гг. выходят первые работы российских

путешественников, синологов, миссионеров из Российской Духовной миссии в Пекине, исследователей Китая. В конце 1890-х и начале XX в. появляется огромное количество российской литературы о Китае: полноценные исследования, небольшие брошюры, знакомившие русских людей с жителями Китая; проблемные статьи в российских журналах, очерки и дневники путешествий. Все большее число русских посещает Китай. Путешественник, у которого до поездки существуют определенные сведения о Китае, чаще всего лишь в форме стереотипа, попадает в ситуацию межкультурного контакта, в которой идет осмысление ранее полученных представлений в ходе личного опыта. Обывательское любопытство к «экзотическим верованиям» и церемониям «чужой культуры» превалирует в русском восприятии до конца XIX в. [24, 149].

Российские авторы в своих трудах пытались описать национальный характер китайцев. Нередко такое описание осуществлялось путем сопоставления с чертами характера русского народа. Среди положительных качеств китайцев отмечалось *миролюбие, добродушие, доброжелательность, приветливость, вежливость*. Журналист С.Н. Сыромятников на страницах «Нового времени» знакомил читателей с китайским народом: «Мне кажется, что в мире нет другого столь трудолюбивого, умеренного, экономичного и мирного народа, как древние китайцы. И нет, кроме наших мужиков, другого народа столь приветливого и радушного. Каждый встречный приветствует вас вопросом: «куда вы идете» и «ели ли вы», каждый встречный весело улыбается на ваш привет, засмеется на вашу шутку» [19]. Среди положительных моментов китайского характера китаевед В.М. Алексеев отмечал приветливость, любезность и вежливость народа, заявляя, что именно с помощью знаменитых церемоний народ и демонстрирует эти качества. «Китай – страна вежливости, и даже более того, - страна привета» [1, 108].

Миролюбие китайцев, следовавших за идеями Конфуция, который провозглашал отвращение к войне, позволяло русским сделать вывод о

китайцах как о *невоинственной нации*: «китайцы не любят войны» [3, 13], «китайцы в военном деле не ушли вперед далеко от своих предков» [4, 39], «китайцы никогда не заведут с другим народом сами войну без твердой уверенности победить...» [5, 88], «китаец давно уже сказал, что из хорошего железа не делают гвоздей, а из хороших людей — солдат» [12, 42-43] и т.д. Данный стереотип нашел выражение в театральной комедии «Война Федосьи Сидоровны с китайцами», которая шла на Александровском театре в 1850-е гг., а затем перешла в репертуар балаганов. Федосья Сидоровна разгоняла китайскую армию ухватом [1, 37]. Участница восстания в Пекине 1900 г. отмечала в своих письмах, что китайцы так простодушны и так невоинственны, что, действительно, бегут от русского «ура» [33, 471]. В европейской и российской литературе миролюбивые качества китайцы оценивались и отрицательно, трактовались как *трусость*. Так, «Вестник Европы» знакомил своих читателей с характерной чертой психологии китайцев – трусостью [32, 183]. А в журнале «Родина» китайцы характеризовались как нация своей трусостью прославившаяся на весь мир [25, 190]. Возникающее непонимание объясняется сопоставлением этического гетеростереотипа с автостереотипом (т.е. представлением о самих себе). У русских миролюбие сочеталось с храбростью и отвагой в сражениях.

Еще одной чертой китайцев, часто упоминавшейся русскими, было *трудолюбие*, Китай даже сравнивался с «муравейником» или именовался «громадной фабрикой, наполненной трудолюбивыми работниками» [29, 692].

Подчеркивалась *выносливость* китайского работника, а вместе с тем *дешевизна его труда* в связи с малыми запросами китайца. При сравнении с русскими упоминалось, что на то количество работы, которое смело мог бы выполнить один русский, требуется, по меньшей мере, три китайца: «у них все как-то в миниатюре: и сами они мизерные, худощавые и работают как-то особенно, по-своему» [27, 614]. Русские уважали труд, а потому восхищались и трудолюбием китайцев.

Особое внимание уделялось земледелию в Китае: «Что меня больше всего удивляет, и перед чем я в особенности преклоняюсь, это – та высокая степень совершенства, до какой достигло земледелие в Китае» [6, 120]. Нередко, представители российской общественности настаивали на необходимости перенимать китайский опыт в земледелии: «Вообще китаец образцовый хозяин по сравнению с нашим крестьянином, к его хозяйственным приемам, пользуясь случаем, следовало-бы нашим солдатам, будущим хозяевам в родной ниве, присмотреться и взять, что можно, себе за образец» [23].

Российские авторы отмечали также удивительную *способность китайцев к торговле*: «Китайцы, как коммерсанты, стоят, пожалуй, выше наших евреев» [14, 18]. С торговым талантом китайского народа связывались и отрицательные качества китайцев. *Хитрость, лицемерие, скупость, жажда наживы* очень часто характеризовалась российскими авторами, вслед за европейцами, как черты китайского народа: «китаец проникнут духом наживы» [7, 119]; «каждый китаец прежде всего – купец; в жизни им руководит главным образом расчет» [16, 2]; «китайцы по своему торговому складу, если не хитрее, то по крайней мере, столько же хитры как евреи, и столько же способны ко всем коммерческим операциям» [28, 92]. Такая характеристика нравственности китайских торговцев была связана с отношением русских к торговым людям. Купцы, торговцы в российском сознании не наделялись высокими нравственными качествами, их труд не считался «честным» как труд земледельца.

Помимо земледелия и торговли, жители Китая считались умелыми ремесленниками, при этом отмечалось, что китаец может основательно очень быстро (в течение года) изучить любое ремесло. Хотя многие российские путешественники писали о низком качестве китайских изделий, которые отличались «недолговечностью» (эта точка зрения созвучна с современным понятием «китайский ширпотреб»).

В российских произведениях описываются разнообразные особенности китайской нации. Например, *их привязанность к родине*: «Я знал китайцев, живших по двадцать лет во Владивостоке, сжившихся и сроднившихся с ним, пустивших в нем глубокие корни, приобретших недвижимые имущества, - казалось бы, совершенно слившихся с краем, с культурой и его населением, но, вместе с тем, каждый из них хранил в своем сердце такую привязанность к родине и своему культу, что без ужаса не мог бы подумать о том, чтобы сложить свои кости в земле, которая пригрела его» [31, 211]. Также характерной чертой китайской нации считалось *стремление к общественности* (или *социалистические наклонности*). Многими авторами отмечалось сила китайского коллектива, особенности общины: «На чужбине китайцы хранят свой язык, верования и крепко держаться друг за друга: они выселяются большими группами, каждая из которых составляет прочноорганизованную общину с самостоятельным управлением, где китаец находит защиту и материальную помощь» [30, 22]. В связи с этой особенностью выделялась и другая – особая *сила китайской культуры*, китайской ассимиляции легко поддавались все племена и народы, с которыми она входила в близкое взаимодействие: китайцы «где бы ни поселились, непременно заводят новый Китай» [22, 483]; в этой стране «окитаится любой» [6, 138].

Российскими авторами уделялось внимание и *«вредным привычкам китайцев»*. Главной считалась *зависимость от опиума*, в российских фотографиях и иллюстрациях, посвященных китайской бытовой жизни всегда присутствовало изображение опиокурильщиков, лежащих на диванах или кушетках с большими трубками в руках: «Китайцы почти все курят из своих трубочек, насаженных на длинные тонкие чубуки со стеклянными мундштуками» [20, 178-180]. Зато все российские путешественники замечали, что китайцы известные в мире трезвенники [10, 151], они не злоупотребляют спиртными напитками (обычно этот факт упоминался при описании пьянства среди солдат Сибири и Дальнего Востока). В перечне

вредных привычек китайцев присутствовала *пристрастие к азартным играм*.

Китайцы характеризовались как большие *любители новостей*: «они узнаются ими значительно быстро, – передаются еще быстрее» [16, 91], согласно наблюдениям российских путешественников, китайцам совсем не нужен европейский телеграф.

Русские отмечали еще одну особенность китайца, его *традиционность, приверженность конфуцианским традициям* – «благоговение ко всему тому, что было в старину, благоговение безусловное и безграничное, осуждающее всякое нововведение, отрицающее всякое заимствование иностранных знаний» [11, 191]. Помимо этого русские высоко оценивали особое отношение китайцев к семейной жизни и родственным отношениям, а также их глубокое уважение к умственному труду и к образованию. Но слепое следование конфуцианским традициям китайцев расценивалось в исследуемый период европейцами, а за ними и русскими, как причина отсталости китайской культуры и цивилизации.

Российские авторы обращали внимание на *любопытность и недюжий интерес к иностранцам*, которые проявляла китайская толпа. А Г. Потанин отмечал назойливость в проявлении любопытства китайцев к своей персоне, описывая связанные с этим курьезные случаи. Китайцы буквально облепляли все окна гостиницы, где он жил, его жизнь была ежедневно под присмотром сотен глаз: начиная с утреннего туалета и завтрака [21, 764].

Отношение к европейцам китайцев российскими авторами в большинстве случаев оценивается как *отрицательное*. Причины такого отношения к европейцам, по мнению российских авторов, заключались «в чувстве обиды и оскорбления, которое внушают им иностранцы своим неуважением к китайской жизни, к народным святыням, обычаям и к китайской старине, словом, ко всему, к чему сами китайцы относятся с величайшим почтением...» [26, 9].

Отношение китайцев к европейцам сравнивалось с отношением жителей Срединной империи к русским. В российской литературе и публицистике очень распространен был стереотип *об особом отношении к русским китайцев*: «Китайцы, боящиеся американцев, ненавидящие англичан, отравляющих их опиумом, презирающие французов и всех европейцев, относятся дружелюбно к русским, быть может благодаря старинному знакомству с ними и даже некоторому сходству в характере (не даром русские путешественники по Китаю находят в нем поразительное сходство с допетровской Русью)» [17, 755]. Среди причин особого отношения к русским назывались: длительная история соседства, мирные и добрососедские отношения, ненавязчивость в деле распространения христианства православными священниками. Существовали мнения о том, что «имя русского в Китае пользовалось уважением, благодаря бывшим порабощателям монголам, которые завезли в Китай добрые сведения о русских и которые позже распространяли в китайских пределах славу имени Белого Царя» [26]. Некоторые российские авторы старались даже доказать существование родства между русскими и китайцами наличием в их жилах одной крови [18, 2]. Стереотип был распространен и в массовом сознании. Например, об отношении между китайцами, европейцами и русскими писал солдат: «китайцы народ смирный, очень смирный. И этой смирностью их пользовались англичане и немцы; их священники обращались китайцев силой в христианство, и кто не хотел, того жестоко наказывали... И стали китайцы различать: русский – свой человек, хороший и европеец – худой человек. И невзлюбили они европейцев – англичан, французов и немцев» [15, 6-7].

Безусловно, жизнь китайцев была диковинна для представителей русской культуры: «Конечно, в Китае много чего смешного, странного и нехорошего [6, 120]. Русские путешественники подмечали следующие странности и курьезы в жизни китайцев: работают круглый год, празднуют Новый год с размахом и великим торжеством, не едят мяса и молока, не

знают поцелуя (матери не целуют своих детей), нет рукопожатия, едят палочками, удивительно нечистоплотны [6, 10-15]. Посещение Китая для русских было знакомством с другим миром: «Все окружающее... так ново, оригинально, самобытно, что, присматриваясь ко всему, даже не замечаешь, как бегут часы и дни» [13, 63-64]. Китай долго оставался изолированным для европейского сознания загадочной неразгаданной страной. Об этом свидетельствуют фразеологизмы, прочно вошедшие в русскую разговорную речь, такие как «китайская грамота», «китайские иероглифы», «китайские церемонии», «воздвигать китайскую стену», ставшие синонимами сложности, непостижимости или сознательного затемнения смысла, а также выражение «далеко, как до Китая (Пекина)», образно выражающее географическую и культурную отдаленность [24, 9].

Таким образом, определенные знания о китайском народе, почерпнутые из литературы, «проверялись» при непосредственных контактах, от длительности которых зависело складывание наиболее достоверного образа китайского жителя, его нравственных качеств, особенностях быта. Наличие этнических стереотипов в восприятии китайцев русскими указывает, что в диалоге двух культур сформировались определенные проблемы, связанные с искажениями восприятия, разными недоразумениями из-за непонимания представителями разных народов друг друга. При этом отдельные черты или особенности китайского национального характера включали как положительные, так и отрицательные оценки представителей российского общества, складывались как бы две традиции бытования стереотипа. Постоянное сравнение особенностей китайского народа с русскими способствовало пониманию специфики собственной культуры, поэтому образ Китая, китайцев являлся порождением и составной частью российской общественной мысли, служил самоидентификации российской нации.

Список литературы

1. Алексеев В.М. В старом Китае. Дневник путешествия 1907 г. М., 1958.
2. Амфитеатров А.В. О китайцах, бурах, Льве Толстом и прочих недоумениях // Амфитеатров А.В., Дорошевич В.М. Китайский вопрос. М., 1901.
3. Барсов К. Китай и китайцы. М., 1905.
4. Васильев В.П. Воспоминания о Пекине // Васильев В.П. Открытие Китая и др. ст. академика В.П. Васильева. СПб., 1900.
5. Васильев В.П. Русско-китайские трактаты// Васильев В.П. Открытие Китая и др. ст. академика В.П. Васильева. СПб., 1900.
6. Верещагин А. В Китае. Воспоминания и рассказы 1901-1902 гг. СПб., 1903.
7. Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. СПб., 1890.
8. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011.
9. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000.
10. Грулев М. В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908.
11. Есипович. Последние годы Китайской империи // Отечественные записки. 1858. Т. 117.
12. Клеменц Д. Беглые заметки о желтой опасности // Русское богатство. 1905. № 7.
13. Кравченко Н. В Китай! Путевые наброски художника. СПб., 1904.
14. Кравченко Н. На войну! Письма, воспоминания, очерки военного корреспондента. СПб., 1905.
15. Краснов П.Н. Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 г. СПб., 1901.

16. Кушаков К. Южно-Маньчжурские беспорядки в 1900 году. Асхабад, 1902.
17. Л-въ В. Торговые задачи Росси на Востоке и в Америке // Вестник Европы. 1871. № 2.
18. Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. СПб., 1881.
19. Новое время. 1904. 08 декабря // АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710/2. Д. 87. Л. 19.
20. Павлов Е. На Дальнем Востоке в 1905 году. СПб., 1907.
21. Потанин Г. Три народности в Восточной Азии. Китайцы. Монголы. Тангуты // Вестник Европы. 1888. № 2.
22. Пржевальский Н.М. Современное положение Центральной Азии // Русский вестник. 1886. № 12.
23. Приамурские ведомости. 1902. № 432 // РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 27. Л. 455.
24. Пчелинцева К.Ф. Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX-XX вв. : спецкурс для иностр. студентов. Волгоград, 2005. Ч. 1.
25. Родина. Всемирное обозрение. 1904. № 28.
26. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1901
27. Рунич С. В Маньчжурии // Исторический вестник. 1904. № 2.
28. Скачков К.А. Очерки Китая. СПб., 1875.
29. Соловьев С.М. Наблюдения над историческою жизнью народов. I. Китай// Вестник Европы. 1868, № 12.
30. Столповская А. Сношения китайцев с иностранцами и их последствия в Китае. М., 1903.
31. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб., 1897.
32. Эриксон Э.В. Китайцы как самостоятельная раса. По личным наблюдениям // Вестник Европы. 1905. № 1.
33. W. Из жизни на Дальнем Востоке. Июнь 1900 г. — март 1903 г. //